

ЗА ГРАНЬЮ

*«Ты нервничаешь и немного не в себе.
Из несвязных случайных совпадений ты выстроила
целую историю преследования! <...>
Ну, видишь, маленькая идиотка?
Все твои построения рушатся,
стоит только к ним прикоснуться!»
Но почему тогда...»*

Айра Левин. «Ребенок Розмари»

НАШИ ДНИ

Хрусталеv возник на пороге кабинета, как всегда, неожиданно. Всех остальных посетителей слышно заранее: они звонко цокают каблуками туфель и ботинок или шаркают подошвами, когда идут по длинному узкому, похожему на тоннель, коридору с нависшим потолком.

Но на этого типа обычные законы не распространяются. Может, он вообще не ходит, а плывет над полом по воздуху, как бесплотная тень?

Только что стояла сонная тишина, а уже в следующую секунду дверь с противным визгом повернулась в петлях, и внутрь кабинета проскользнул человек. Длинный, тощий, угловатый, как циркуль, он всегда держался очень прямо, словно силился дотянуться головой до потолка.

«Специально подкрадывается, что ли?» — с досадой подумал Петр Сергеевич, однако вслух не возмутился, только заметил:

— Могли бы постучать.

АЛЬБИНА НУРИ

— А вы что, заняты чем-то предосудительным? — без тени улыбки осведомился Хрусталеv. В руках он держал белую картонную папку с тесемками.

— Многие называют это вежливостью, — вздохнул хозяин кабинета, сидевший за громоздким старомодным столом, заваленным бумагами. — Ладно, оставим бесполезный разговор о манерах. Что там у вас?

Вошедший молча положил на стол свою папку.

— Вы собираетесь шантажировать меня ее содержанием, как Остап Бендер — миллионщика Корейко? — пошутил Петр Сергеевич, но ответной улыбки не дождался. Что ж, ничего удивительного. Чувство юмора у Хрусталева отсутствовало. Печальный факт, учитывая их профессию.

— Откройте, полюбопытствуйте, — коротко бросил Хрусталеv и огляделся с таким видом, будто попал сюда впервые, хотя знал в этой комнате каждую трешинку, каждое пятно на выцветших желтых обоях.

Петр Сергеевич скривился, не пытаясь скрыть недовольства, и потянул за тесемки. Внутри находилась толстая пачка бумаги. Обычные белые листы формата А4 с напечатанным на них текстом. Заголовок отсутствовал, имя автора — тоже. Сверху было пропечатано «Глава первая» — и только.

— Я прекрасно понимаю, что никто не поверит в правдивость моей истории, даже если ее каким-то чудом и прочитают. Люди станут крутить пальцем у виска: надо же, какая больная фантазия... — вслух прочел он. — Что за чушь? Рукопись какая-то? Теперь все пишут — мода такая. Писателей больше, чем читателей. Неужели кто-то из наших взялся...

Обреченные на страх

— Да погодите вы острить! — дернув плечом, перебил Хрусталев. — Сначала почитайте!

— Откуда у меня время на бесполезное чтение? — возмутился хозяин кабинета, сунул пухлую руку с коротко стриженными ногтями в папку и пролистнул несколько страниц. — Когда это читать? А главное, с какой стати? У нас тут что, издательство? Бросьте вы эти глупости!

Хрусталев ничего на это не ответил, продолжая бурвить Петра Сергеевича взглядом.

«Какое все же у него лицо странное! Широкое, квадратное, как площадка. И рта совсем нет — щель какая-то. Брови еще эти... Что за нелепость! Кустятся почище, чем у Брежнева», — подумал Петр Сергеевич.

— Хорошо, хорошо! Прочту! — сдался он, прекрасно понимая, что Хрусталев не отвяжется, пока не добьется своего. Справедливости ради нужно сказать, что этот человек никогда не просил о чем-то пустяшном, не занимался глупостями — для этого он слишком серьезен, даже мрачен. Если притащил сюда эту писанину, выходит, в ней есть нечто действительно важное. — Сейчас прямо и начну.

Хрусталев вышел, как обычно проигнорировав слова прощания. Петр Сергеевич вздохнул, взял первый лист и погрузился в чтение.

РУКОПИСЬ. ГЛАВА 1

Я прекрасно понимаю, что никто не поверит в правдивость моей истории, даже если ее каким-то чудом и прочитают. Люди станут крутить пальцем у виска: надо же, какая большая фантазия!

АЛЬБИНА НУРИ

Тем не менее это чистая правда — такая, какой она открылась мне.

Как правда и то, что я отдала бы полжизни, чтобы никогда ее не узнать.

В том, что я решила записать свою историю, повинна выработанная за долгие годы профессиональная привычка. Я журналист, всю жизнь работала в печатных изданиях, привыкла анализировать факты, перенося их на бумагу. Вдобавок, как многие журналисты, втайне мечтала стать писателем.

Написать роман и прославиться. Увидеть Париж и умереть. Смешно, конечно. Хотя насчет умереть — во все нет.

Теперь я знаю: моей мечте не суждено сбыться. Но то, что пишу, буду разбивать на главы — пусть будет немножко похоже на настоящий роман.

Знаю, что мою рукопись не напечатает ни одно издание, эти строки никогда не станут достоянием общественности, но это не важно. Мне нужно поделиться своим страхом — пусть даже с чистым листом бумаги. Необходимо любым путем вытащить занозу, извлечь из глубины сознания монстра, который там поселился, — и попытаться взглянуть на него при свете дня. Ведь самый страшный ночной кошмар поутру бледнеет и тает, кажется ненастоящим и не столь уж пугающим.

Может быть, если эта история заживет на страницах своей собственной, отдельной от меня жизнью, то перестанет меня мучить, день за днем отрывая от души очередной кусок? Возможно, если я опишу случившее-

Обреченные на страх

ся во всех подробностях, то у меня получится привести мысли в порядок и принять решение.

Ладно, хватит предисловий.

Меня зовут Марьяна Навинская. Многие думают, что это не настоящая фамилия, а просто звучный псевдоним, но они ошибаются. Навинскими были мои дед и бабушка по отцовской линии, мои родители и сестра — до того, как вышла замуж. Да и будь я Смирнова или Егорова, ни за что не стала бы менять фамилии и все свои статьи обязательно подписывала бы только так, не прячась под маской. Мама считает, что я чересчур прямолинейная и упрямая, — что ж, по всей видимости, она совершенно права.

Когда пишу эти строки, за окном плачет август, доживая последние дни. Лето на исходе. Три месяца назад, в конце мая, мне исполнилось тридцать два года. Совсем мало для человека, который полон планов на будущее, но слишком много для того, кто больше не знает, для чего живет.

Много лет назад я переехала в Казань. Название этого города происходит от слова «казан» (так оно и звучит по-татарски) — «большой котел». В этом котле варятся различные народы и национальности, соединяются ислам и православие, сливаются западные и восточные традиции. Должно быть, гостям из других регионов кажется непривычным смешение архитектурных стилей и языков, режут ухо то и дело вплетаемые в русскую речь татарские словечки и выражения, удивляют иглы минаретов, пронзающие небо рядом с

АЛЬБИНА НУРИ

луковками православных церквей, но мы уже привыкли ко всему этому.

Новосельцев из фильма «Служебный роман» говорил о Москве: «Я люблю этот город. Это мой город. Это очень хороший город». Я в точности то же самое могу сказать о Казани. Это в самом деле мой город, он близок мне по духу, хотя родом я не отсюда.

Моя малая родина — небольшой поселок Ягодное в одном из примыкающих к Казани районов. От города его отделяют восемьдесят километров — путь лежит через Волгу. Ехать нужно по длинному мосту. В детстве, когда приходилось преодолевать это расстояние, у меня всякий раз захватывало дух от волжской широты и ленивого величия. И страшно было: вдруг случится что-то, машина свалится вниз! Не выплывешь, не спасешься. Река — суровая и равнодушная — похоронит железную коробку внутри себя. А как надоест играть, вышвырнет белые, как рыбе брюхо, тела — и дело с концом.

Окончила я Казанский университет — училась на «факультете невест». На филфаке было всего два мальчика, да и тех непонятно каким ветром занесло: ходили оба с таким видом, будто они сами не знали, что здесь делают.

Все у меня было как у всех: слушала лекции, сдавала экзамены, жила в общежитии, бегала на свидания. Некоторые мои сокурсницы успели за пять лет и замуж выйти, и детьми обзавестись, и развестись. У меня же дальше коротких романов дело не шло. Это было предметом расстройств и огорчений — моих, сестры, родителей. Но сейчас я уверена, что все к лучшему.

Обреченные на страх

После университета поработала в школе, но больше чем на полгода меня не хватило: я на собственном опыте прочувствовала, что дети — далеко не те милые создания, которых показывают в рекламе соков и творога. Конечно, есть святые люди, подвижники, которые посвящают учительству жизнь и умудряются любить свою работу, но я не из их числа.

Из школы ушла туда, куда тянуло со студенчества, — в журналистику. И преуспела. Мне есть чем гордиться. На момент, когда завертелась вся эта история, я трудилась главным редактором одного крупного журнала. Название его опушу, так и буду называть, для удобства, — Журналом.

Меня пригласили возглавить его, я была польщена, согласилась и никогда не жалела об этом. Бывали моменты, когда не хватало, как сейчас любят говорить, драйва: журнал выходил раз в месяц и не мог в этом плане тягаться с еженедельной газетой, где я работала прежде. Зато меньше нервотрепки и больше свободного времени, и мама надеялась, что я наконец-то налажу нормальную личную жизнь.

Но увы. Горизонт мой оставался чист. По сей день ни принца, ни коня.

Зато у моей сестры в этом смысле все было отлично.

Мы погодки — Жанна старше на год. Сестра училась в финансово-экономическом: с детства любила математику. Будущий муж Илья был ее одноклассником. Как они всем рассказывали, это была любовь с первого взгляда. Как сели за одну парту в сентябре, так и поженились в конце первого курса.

АЛЬБИНА НУРИ

Сестра с мужем во многом повторили судьбу наших родителей. Жанна недолго поработала в какой-то фирме бухгалтером, а потом осела дома. У Ильи светлая голова: финансовый советник в крупной компании, он зарабатывал какие-то немыслимые деньги и все их, как наш папа, тратил на семью и дом.

Сначала Илья и Жанна жили в Казани, но потом, к огромной радости родителей, переехали в Ягодное. Отстроили домище в новой части поселка, которая сейчас активно заселяется. Если подняться на второй этаж, открывается фантастический вид на Волгу. Река далековато, пешком почти полчаса, но видно ее прекрасно: Ягодное расположено на возвышенности.

Пишу все это и понимаю, что мне доставляет болезненное удовольствие вспоминать о былом. О том, что никогда уже не вернется. О том, как все было до того, как от нашей семьи остались одни обломки.

Мы были очень счастливы — все вместе и каждый на свой лад. У нас была дружная семья, никто ни на кого не держал зла. Ни у кого не было камня за пазухой или фигуры из трех пальцев в кармане. Потом родилась Даша — и все хорошее стало еще лучше.

Дашуля поразила меня в самое сердце. Не знаю, каково это — любить собственного ребенка, но если это еще более сильное чувство, то, боюсь, такого мне не выдержать. Я любила и маму, и папу, и Жанну, и Илью, но то, что испытала, когда впервые увидела крошечную племяшку, было сравнимо с ударом молнии: что-то ярко полыхнуло в моей душе, и я поняла — за эту девочку мне не жалко отдать жизнь.

Обреченные на страх

Есть такая пословица: «Скрипучее дерево два века стоит, а крепкое валится». Кто болеет и жалуется, обычно живет дольше, тогда как здоровый, сильный человек часто уходит в одночасье. В этом определенно имеется зерно истины.

Иногда мне кажется, мы сами себя сглазили. Были слишком довольны и счастливы, думали, что ничего плохого просто не может свершиться. Только не с нами! Может, если бы в нашей семье чередой шли конфликты и ссоры, не было согласия и лада, мы восприняли бы все, что случилось, иначе. Постоянно ждали бы подножки от судьбы, были закалены в боях — и умели бы правильно реагировать на несчастья. Мы же оказались совершенно не готовы к тому, что обрушилось на наши головы.

ГЛАВА 2

День, который стал точкой отсчета, я помню в мельчайших подробностях, хотя прошло уже больше трех лет. Он выжжен у меня в мозгу, отпечатался так ярко, что в памяти осталось каждое слово, каждый незначительный штрих. Например, помню, что на Асе было бежевое платье с красными цветами и широким поясом и она была записана на коррекцию бровей в шесть вечера.

На работу я пришла, как обычно, чуть раньше девяти. Могла бы и вовсе не приходиться: была пятница, как раз накануне мы сдали в типографию очередной номер Журнала и я разрешила творческой группе взять выходной.

АЛЬБИНА НУРИ

Хотя Саша Мухин, наш дизайнер-верстальщик, все равно нарисуете ближе к обеду: его никакими силами дома не удержать. У Саши недавно родился сын, и по этому случаю приехала пожить теща из Елабуги. Он жаловался, что ночью орет младенец, а днем — мать жены. Так что лишний выходной Мухину не нужен. Подозреваю, что Саша врал жене, будто субботы у нас с недавних пор тоже рабочие.

Редакция располагалась в центре города. Жалко, что окна во двор: если бы они выходили на другую сторону, мы бы видели реку Казанку и новую красивую набережную на другом берегу.

Отдельного кабинета у меня не было. Все сотрудники редакции Журнала сидели в одной большой комнате. Прежде это было три кабинета, но потом межкомнатные перегородки снесли, и получился, как любила говорить корректор Валя, муравейник: Ася — секретарша и специалист по подписке, Саша, трое журналистов, сама Валя, которая приходит несколько раз в месяц, и я. Когда Валентина заговаривала про муравейник, Ася холодно поправляла: «творческая группа» и поджимала губы: что за глупые ассоциации с насекомыми?

Рядом — бухгалтерия и кабинет для сотрудников коммерческой службы. Их трое, включая коммерческого директора. Все, кто имеет непосредственное отношение к финансам, размещаются отдельно от нашего творческого муравейника, потому что денежные расчеты и продажа журнальных полос клиентам — процесс почти интимный, не для посторонних глаз и ушей.

Обреченные на страх

Рекламщики — это особая каста. Они ловкие и зубастые, но иначе в их профессии нельзя. Мягкий, бесхитростный рекламный агент — плохой агент. Поглядывают они на остальных чуточку свысока, потому что приносят изданию деньги: Журнал коммерческий, государством не финансируется.

— Доброе утро, Марьяна! Как настроение? — Ася каждое утро встречала меня одним и тем же вопросом.

У нас принято было обходиться без отчеств. Исключение составлял лишь учредитель, но это святое.

Голосок у Аси детский, звонкий, как у пионерки, что многих вводило в заблуждение. Характер-то — огого! Но человек она отличный: без сантиментов, но зато без гнильцы.

Ася, Саша и я работали в Журнале с момента основания. Мы сделали его таким, какой он есть, и любили ревнивой родительской любовью, то есть были убеждены, что он самый лучший и достоин большего. А еще Саша и Ася были моими друзьями, хотя я нередко спрашивала себя: продолжилось бы наше общение, если бы мы перестали работать вместе? Ведь зачастую людей связывает только общее дело.

Мой огромный стол стоял в дальнем конце кабинета, возле стены. Когда я впервые увидела его, почувствовала неловкость: чем займу такое пространство? Но вскоре проблема отпала сама собой — иногда даже чашку кофе поставить некуда.

Да и вообще у нас мало свободного места. Всюду бумажные горы: пачки журналов, подшивки, сверстан-

АЛЬБИНА НУРИ

ные полосы с правкой и без, фотографии, конверты, листы с текстами.

Пробираясь в то утро к своему столу, я в сотый раз подумала, что надо бы устроить субботник и избавиться от хлама.

Дел у меня особо не было. Так, по мелочи. Я решила, что уйду после обеда: мы с подружкой Леной договорились поехать к ней на дачу. Мысленно я уже была в Соколовке: предвкушала купание в речке, шашлык и разговоры до полуночи. Вяло ковырялась в компьютере, набрасывала темы для будущего номера, которые собиралась обсудить на планерке в понедельник. Ближе к одиннадцати ответила на пару звонков, поговорила с Дамиром, коммерческим директором: он и его команда всегда на посту.

Настроение было совершенно нерабочее, как и всегда после сдачи очередного номера в печать. И вчера, и всю предыдущую неделю я, как и остальные, жила Журналом. Но он отправлен в типографию, и сейчас куда больше меня занимали босоножки, которые ни с того ни с сего начали натирать ногу.

Одна моя знакомая ушла из журналистики, потому что не могла смириться с тем, что в газету с ее статьей завтра будут заворачивать селедку. Век газеты и журнала короток: новости-то каждый день новые. Кому интересны бывшие кумиры, отжившие тренды или вчерашние проблемы, если уже успели появиться свежие? Но знакомая не сумела воспринять это как должное и устроилась в мэрию. Вот уж где настоящий пафос: каждый чиновник преисполнен сознанием важности

Обреченные на страх

собственной деятельности. Должно быть, теперь ее все устраивает и она довольна жизнью.

Окна были открыты, и в кабинет врывались ароматы готовящейся еды. На первом этаже нашего офисного центра, как раз под нами, кафе-столовая. Правда, мы — я, Ася и Саша — туда не ходим: однажды Ася увидела, что на ребристой батарее, на одном уровне с разделочным столом, где лежали продукты и стояла посуда, сушатся грязные сапоги. Я думала, у нее дым из ноздрей повалит от возмущения, но Ася взяла себя в руки и лишь категорично заявила, что ноги нашей там не будет. Так что мы обедаем в кафе неподалеку.

— Там, может, еще хуже! — резонно заметила как-то корректор Валя, но Ася одарила ее таким взглядом, что та предпочла больше не умничать.

Разумеется, может и хуже. Но ведь что око не видит, то ум не понимает. И потом, надо же где-то есть.

В общем, из окна тянуло съестным, и я поняла, что голодна: утром не стала завтракать, только кофе выпила. На часах было почти двенадцать. Я раздумывала, стоит пойти на обед или сразу отправиться домой, когда ожил мобильный.

С большого экрана улыбалась мама: я сфотографировала ее недавно, в мае, когда приехала к родителям отмечать свой день рождения. Снимок получился удачный: мама стоит в саду, возле цветущей яблони; ее окутывает белое облако, на лицо падает отсвет, который мне почему-то хочется назвать ангельским. Она улыбается своей удивительной улыбкой, какая есть только у нее да у маленькой Даши. В этой улыбке — чистая,

АЛЬБИНА НУРИ

открытая миру, незамутненная радость. Без примеси вежливости, лести, пустой придумки или скуки. Ты просто знаешь: этот человек вправду счастлив, оттого и льется из его глаз такой умиротворяющий свет. А еще он неподдельно рад тебе и любит. Просто любит — без оговорок и условий.

Теперь эта улыбка умерла. Ее нет и никогда не будет.

Но тогда, глядя на мамино лицо на экранчике, я этого еще не знала.

Из телефона послышался звук, похожий на хрип. Мне показалось, что это помехи. В Ягодном иногда случаются перебои со связью. Сердце у меня не ёкнуло, в районе солнечного сплетения не похолодело — ничего, о чем обычно пишут в книгах. Никаких тревожных предчувствий, никакого понимания, что случилось несчастье. Или я такая толстокожая, или люди преувеличивают эти вещи. А уж писатели — и подавно.

Я давно заметила, что книжный герой, который кажется читателю наиболее живым и настоящим, никогда не поступает так, как повел бы себя на его месте реальный человек. Обычно люди не бросаются в гущу событий, не подставляют голову под пули, не торопятся с признаниями в любви. Но наблюдать за тем, как мы ведем себя на самом деле, было бы скучно, вот персонажам и приходится изощряться. Это жизненно необходимо, ведь в противном случае читатель закроет книгу и весь книжный мир погибнет.

Отвлекаюсь, рассуждаю обо всякой ерунде... Страшно закреплять кошмар на бумаге: кажется, пока

Обреченные на страх

не обернешь случившееся в словесную оболочку, то этого как бы и не было.

— Мамуль, я тебя плохо слышу!

Я старалась говорить громче, чтобы перекричать эфирные помехи. Голос мой был звонким, в нем трепетала улыбка — я радовалась звонку мамы, мне хотелось скорее рассказать ей, что мы сдали номер и учредитель обещал всем премию. Что он доволен мною, моей редакторской работой: тиражи наши растут, сайт собирает все больше посетителей, рекламодатели охотно идут на страницы, ведь Журнал стал популярным. Я рада, но мое счастье никогда не было полным, пока вместе со мной не порадуются мои любимые.

— Алло, мамуль? — Я все еще ничего не понимала, досадуя на сотового оператора.

А потом вдруг услышала вой. Не плач, не стон — именно вой, тоскливый, звериный, низкий. Я заледенела, и вот в этот миг до меня дошло: что-то случилось. Что-то очень, очень плохое.

— Папа? — почти не думая, помимо воли выдохнула то единственное, что пришло в голову. То, что, несмотря на ужас, может считаться логичным, ведь у отца большое сердце, он уже пережил один инфаркт.

В ответ — все то же.

Жанна, Илья и Дашуля в отпуске, на море. А папа — дома, с мамой. В голове каша, круговерть. Сердце? А может, несчастный случай? Авария?

Я не дышала, ничего не соображала в тот момент. Краем глаза видела и не видела, что Ася внимательно смотрит на меня, сдвинув очки на нос.

АЛЬБИНА НУРИ

В трубке раздался мужской голос, в котором я не сразу узнала папин.

— Погибли... — выговорил он медленно, почти по слогам, будто учился разговаривать на иностранном языке.

Я хотела спросить кто, но не могла. Какое-то время мы оба молчали, а потом папа начал плакать. А я — в первый раз в жизни — потеряла сознание. Перед глазами словно задернули черную штору, уши заложило, грудь сдавило. И меня не стало.

Первая мысль, которая посетила меня по возвращении, касалась натертых босоножками пальцев. Было больно, и я подумала, что нужно срочно наклеить новый пластырь, иначе не дойду до машины.

«Вроде нужно обувь глицерином натирать или воском, чтобы размягчить...» — подумала я.

Память вернулась не сразу, а вот телесное неудобство тут же дало о себе знать. Но все-таки блаженное неведение было недолгим.

— Папа! — рванулась я, попытавшись вскочить.

— Тише, тише. — Оказывается, Ася стояла надо мной и обмахивала полотенцем.

Наши взгляды встретились, и я поняла: мне ничего не померещилось, не пригрезилось от жары. Папа сказал то, что сказал. В руке у Аси был мой сотовый — видимо, я его выронила.

— Родители ждут. Тебе надо ехать, — сказала Ася. Когда одни, мы всегда на «ты». — Такси через пятнадцать минут. Насчет твоей машины предупрежу. Будет на стоянке сколько потребуется.

Обреченные на страх

Если бы я была в состоянии, почувствовала бы благодарность за эту ее немногословную готовность прийти на помощь, за то, что не села рыдать со мною рядом, а сразу сделала то, что нужно.

Она права — за руль мне нельзя. Водитель я начинающий, права только в апреле получила, а водить стала и вовсе в июне. В таком состоянии, как сейчас, наверное, даже дверцу не сумею открыть.

Я выбралась из кресла, чувствуя себя полной развалиной. Руки-ноги не хотели слушаться, спина была деревянная. Есть такой литературный штамп — «раздавленный горем», так вот, меня и вправду расплющило, прижало к земле.

Мы с Асей смотрели друг на друга, и губы ее подрагивали, а зеленые глаза были слишком яркими от блестящих в них слез. Наверное, она хотела сказать что-то утешительное, но не могла найти слов.

Напрасные старания: ни в одном языке мира нет слов, которые смогли бы успокоить, поддержать человека, который потерял того, кого любит.

— Яша, — беспомощно проговорила Ася, назвав меня прозвищем, которым называли только друзья. Она вдруг разом потеряла всю свою невозмутимую уверенность и теперь казалась маленькой и жалкой.

Это стало последней каплей. Рухнула незыблемая твердыня, пала столица во время войны. Все самое страшное оказалось правдой.

Всю дорогу до Ягодного я проплакала. Стоило чуть-чуть успокоиться и попробовать думать о том, что нужно для организации похорон, каким образом под-

АЛЬБИНА НУРИ

держат маму с папой, как в голове начинали мелькать картинки.

Мы с Жанной в ее комнате. Она вертится перед зеркалом — примеряет свадебное платье. У сестры длинные темно-русые волосы со светлыми мелированными прядками и карие глаза в пол-лица. Она похожа на маму, а я — копия отца. Недавно Жанна обрезала челку и теперь боится, что похожа на пони. Я говорю ей, что она похожа не на пони, а на мишку-коалу — мягкого, круглоглазого и няшного, а она швыряет в меня подушкой, и мы обе хохочем.

Дашуля в розовом слюнявчике сидит на высоком стульчике и ест пюре. Я зачерпываю его ложкой, а она раскрывает рот, как галчонок. Ей вкусно, а я не понимаю, как можно есть протертую тыкву. Племяшка зовет меня «Маськой» — что-то среднее между Марьяной и Яшкой. Это второе слово, которое она сказала, после «мамы». Даже «папа» было третьим, и я горжусь этим, как ни одним своим профессиональным успехом, а Илья притворно хмурится: «Просто мы только про тебя и говорим целыми днями — деваться от тебя некуда! Вот ребенок и повторяет!».

Мы на берегу Волги. Пешком до него далеко: раньше часто ходили, но у Дашули ножки коротенькие, объясняет Жанна, она устанет. Сестра говорит это как-то трогательно и мило и вместе с тем забавно, так что я потом долго подкалываю ее этими «коротенькими ножками». «Давайте на выходные в Булгар махнем! Историческое место, со всего мира люди едут, а мы не были», — предлагает Жанна нам с Ильей. «Нет, тебе

Обреченные на страх

нельзя», — заявляю с серьезной миной. «Почему?» — удивляется сестра. «У тебя ножки коротенькие, не дойдешь».

В общем, едем на машине, оставляем ее наверху и спускаемся по тропинке к воде. Отличное местечко: трава зеленая и пушистая, как мамина мохеровая кофта. Мы с Жанной болтаем, мама возится с Дашулей. «Апся!» — просит наша детка. Это означает «купаться». Мама говорит, что рано — мы только-только из воды, но Дашулю не остановить, и все послушно лезут в речку.

И много-много всего вспоминается, и слез не удержать. Какой счастливой была жизнь, а я и не замечала, не сознавала.

Ехала в Ягодное, и мне казалось, что еду на свои собственные похороны.

ГЛАВА 3

Про то, что случилось, многие могли слышать или читать. В Интернете любая информация разлетается мгновенно. Происшествие по-настоящему трагичное, правда муссировали его не слишком долго: шокирующие новости появляются постоянно — то взрывы, то теракты, то авиакатастрофы. А тут хоть и ужасный, но все-таки несчастный случай. Нет злодеев, нет виноватых, ничего, кроме самих пострадавших.

Примерно так о случившемся было написано в одном из изданий:

«Несчастье произошло во время экскурсии на скалу Киселева — уникальной красоты природный памятник на

АЛЬБИНА НУРИ

побережье Черного моря, неподалеку от города Туапсе. Примечательна скала гладкой, отвесной каменной стеной высотой сорок шесть метров.

Это популярное экскурсионное место, куда приезжают толпы туристов. Между прочим, именно там снимали известную сцену рыбалки на Белой скале из кинофильма «Бриллиантовая рука».

Илья и Жанна Стекловы (фамилия изменена) с трехлетней дочерью прибыли к скале Киселева на прогулочном теплоходе. На смотровую площадку поднялись последними, так что других свидетелей происшествия не оказалось. По словам мужчины, его жена с дочерью подошли к краю, чтобы сфотографироваться. Снимал их он сам.

Все случилось очень быстро. Малышка, обычно послушная и спокойная, вдруг закапризничала, захныкала и принялась вертеться, с силой вырываться из рук матери. Панамка слетела с ее головы, и молодая женщина инстинктивно потянулась за ней.

— Я не успел ничего сделать, — говорит убитый горем отец. — Закричал «Осторожнее!», бросился к ним, но не успел. Дочка случайно ударила жену по лицу. Наверное, от неожиданности Жанна дернулась и оступилась. Она стояла слишком близко к краю, а там еще и ветер... Они обе упали».

Вслед за ними вниз с высоты почти пятидесяти метров полетела и фотокамера. Нам с родителями так хотелось (очень слабое слово, нужно умножить его на миллион!) взглянуть на последние снимки Дашули и Жанны — они пробыли в отпуске больше десяти дней и много снимались.

Обреченные на страх

Но это оказалось невозможным. Илья выронил фотоаппарат, когда рванулся к краю скалы, и тот разбился, ударившись о камни внизу. Все, что было запечатлено, рассыпалось на кучу осколков, и соленая морская вода завершила дело.

Нет смысла писать о том, что было в те страшные дни после гибели наших любимых. Кто никогда не терял близкого человека, все равно не сумеет осознать, что чувствуют оставшиеся жить. А тот, кто сталкивался с подобным, прекрасно поймет и без лишних слов. Тем более описать словами, как плачет и стонет душа, все равно не получится.

Как только стало возможно, Илья привез тела жены и дочери в Казань. Из первого и последнего в своей короткой жизни путешествия вернулась не Дашуля, а лишь ее тело. Верю, страстно желаю верить, что души их воспарили с той огромной высоты, чтобы подняться еще выше, настолько, что это недоступно человеческому сознанию, но, по правде сказать, это слабое утешение. Как и фальшивые утверждения, что надо жить дальше.

Фальшивые, однако непреклонные.

В Журнале мне дали отпуск, и я была благодарна учредителю за понимание. Если бы он оказался менее человечным, мне пришлось бы уволиться, чтобы быть с родными в те дни. Спасибо шефу: он сохранил мне работу, он понимал, что если есть что-то на свете, способное вытащить меня из хаоса и кошмара, так это Журнал.

АЛЬБИНА НУРИ

Уезжала я с тяжелым сердцем. Родители были сломлены: их солнце погасло. Ничто не могло вернуть им тот сияющий и яркий мир, каким он был при Жанне.

Мама с папой любили нас с сестрой одинаково. Но разница в том, что мной — моими профессиональными успехами, моей независимостью и карьерой — они гордились, а Жанна была их отрадой. Характер у сестры, что греха таить, куда лучше моего: я колючий еж, а она нежная лань. И потом, она была рядом с ними всегда, а не только по выходным.

Семья и дети были для отца с матерью чем-то вроде религии, культа. Они делали все, чтобы стать для нас лучшими родителями на свете, и я до сих пор убеждена, что так оно и есть. Закончив несколько лет назад строительство большого дома, они мечтали устраивать для детей и внуков праздники, наряжать двухметровую новогоднюю елку, собирать всех вместе за воскресным обедом: мама поставила в гостиной стол размером с небольшой аэродром, чтобы за ним свободно помещалась большая семья.

Когда погибли девочки, это выбило опору у них из-под ног. Родители не могли даже предположить такого исхода — и теперь не знали, как дальше жить.

Но им было бы немного легче, если бы Илья не вел себя так, как вел.

Я не сразу заметила перемены, хотя они и бросались в глаза. Сначала я решила, что он оглушен горем. Потерять любимую жену и ребенка — бывает ли боль острее и бесконечней?

Обреченные на страх

Никто не винил его в трагедии. Даже если отбросить в сторону понятия о нравственности, у Ильи не было никакого резона убивать жену. Он не извлекал из смерти Жанны никакой финансовой или иной выгоды. Этот факт был проверен в полиции, никаких обвинений ему и не думали предъявлять.

Но, положив руку на сердце, многие на месте моих родителей хоть что-то да сказали бы в упрек зятю: ведь он был рядом с девочками и ничем не помог. Однако матери с отцом и в голову не пришло бросать ему в лицо обвинения. И потом, они любили его как родного сына.

Илюша сразу пришелся ко двору, стал своим в нашей семье. Умница, трудяга, обаяшка, да к тому же сирота. Родом он из какой-то глухомани, родился в деревне с непонятным названием Кири. Отца не знал, мать скончалась от рака, и лет с четырнадцати Илья воспитывался у тети, которая умерла незадолго до его поступления в институт. В общем, звезды сошлись по всем пунктам: мои родители считали его сыном, а я — братом.

Но после смерти Жанны и Дашули Илья стал держаться с нами как чужой человек. Молчал, почти не смотрел ни на кого из нас. Не старался найти слова утешения и обрывал, если мы пытались вызвать его на разговор. Без крайней необходимости старался не обращаться к нам и на вопросы отвечал коротко и с видимой неохотой. Не позволял обнять себя и уж тем более не заключал родных в объятия. А если кто-то из нас касался его, он сжимал челюсти, еле сдерживая

АЛЬБИНА НУРИ

желание отшатнуться, словно мы могли заразить его опасной болезнью.

Больно было видеть, как мама с папой, словно выброшенные на мороз котята, жмутся к Илье, а он только что пинком не отшвыривает их прочь. Как они страдальчески смотрят на него, пытаясь поймать вечно ускользающий взгляд, а он раз за разом отворачивается.

Это было странно, совсем не похоже на обычную его теплоту, заботу, и я терялась в догадках: в чем причина? Мы понесли потерю, всем тяжело, но разве горе не сближает близких еще больше? Да, скорбь нельзя вычеркнуть, убрать, но ведь можно разделить!

Илья же вел себя так, словно кто-то из нас был виноват в гибели Жанны и Даши. Более того — это пришло мне в голову несколько позже, почти перед самым отъездом, — Илья будто вообще решил забыть, что у него были жена и дочь. Он не упоминал их имен, не говорил о них.

Мы старались не обсуждать поведение Илюши, делая вид, что нам все только кажется. Это, конечно, страусиная тактика, но на нас и без того много всего свалилось.

Правда, мне иногда хотелось подойти к Илье, схватить за плечи и встряхнуть хорошенько. А то и по щекам отхлестать: зачем он делает моим старикам еще больнее?! Но я сдерживалась. Открытый конфликт был нужен меньше всего. Все, что оставалось, — уговаривать себя, что это пройдет, просто каждый страдает по-своему.